

«Я САМА СЕБЕ – АПОКРИФ».
АПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ ОЛЬГИ АНДРЕЕВОЙ

(Ольга Андреева, На птичьих правах. – СПб., Алетейя, 2018)

«Я причастна» – признаётся в стихотворении Ольга Андреева. Сопричастность времени, я бы даже сказал SOSпричастность – отличительная черта её лирики. «*Научи меня, Господи, просто, свободно писать, взять стило и писать, позабыв о форматах и стилях...*». Эта молитва поэта многое проясняет в особенностях её лирики. Ей важен, прежде всего, собственный голос, собственный почерк. У неё нет постмодернистского цитирования классиков и современников, которым грешат многие поэты. Всё – своё. Ольга Андреева – ростовчанка. Сейчас это – город, пограничный с Донбассом. Тема войны постоянно возникает в стихах Андреевой. Ольга не просто живёт в Ростове (который на Дону). Она – патриот этого города. Она – голос родного города. Не случайно одна из её предыдущих книг называется «На глобусе Ростова». Мне приходилось бывать в Ростове. И действительно, это неплохое место для творчества. И вот – перед нами новая книга Андреевой. «На птичьих правах» – это название с двойным смыслом. С одной стороны, оно указывает на временность нашего земного прибежища. С другой, мы понимаем, что у каждой птицы есть «право на полёт» – даже у тех, кто летать не может или не хочет. Ольга Андреева словно бы говорит нам об антиэнтропийной сущности жизни. Давайте будем летать! Хотя бы – изредка. Жить надо ярко.

Андреева не всегда стремится к точности и доходчивости своей речи, широко используя слова иноязычные и малоупотребляемые. Зато эта речь – предельно «своя», ни с кем не сравнимая и никого не напоминающая. Хотя и производит порой впечатление «косноязычья». Но почему бы и нет? «Высокое косноязычие тебе даруется, поэт». Оратор так говорить не может. А вот поэт – может запросто! «Девияции», «сублимации», «капиллярный подсос метафизики из подсознания», «осталось расталкивать пила плечам!»... Таких слов и выражений в поэзии Ольги Андреевой много. Хочется порой спросить автора: а попроще выразиться – слабо? Но стойкого модерниста сложно убедить в достоинствах простоты. Порой герметичность в её текстах возникает по той причине, что она, не договорив одну мысль до конца, тут же начинает говорить новую, которую тоже, естественно, не договаривает. Зато такой стиль письма – очень современен, это так называемое «клиповое» сознание. Есть в книге Андреевой и более прозрачные стихи:

*Твои диктанты всё короче –
 Ты больше стал мне доверять?
 А может, меньше? Между прочим,
 я разучилась повторять
 слова молитвы. Паранойя
 терзает эпигонов власть,
 те, кто спасён в ковчеге Ноя,
 хотят ещё куда попасть,
 да забывают от азарта
 о том, что человек не зверь,
 что золотому миллиарду
 не уберечься от потерь,
 что голодающие дети
 нам не простят своей судьбы,
 и много есть чего на свете,
 что не вмещают наши лбы –
 упрямые от страха смерти
 и робкие от страха жить.
 Не для меня планета вертит
 Твои цветные витражи,
 В мозгу искажены масштабы –
 пыталась верить, не любя,
 а без задания генштаба
 так сложно познавать себя,
 не отвертит Твой гневный окрик
 от эйфории, от нытья,
 и я сама себе апокриф,
 сама себе епитимья,*

*сложнее пуританских правил
нескрамное Твое кино,
порой Твой юмор аморален,
но – что поделаешь – смешно.*

Может быть, эти стихи и не проще других, но зато все мысли досказаны до конца и не «наплываю» друг на друга. В поэзии порой важно держать темперамент в узде, чтобы не захлебнуться речью. Героиня разговаривает с Творцом. Она чувствует себя ответственной за голодающих детей. Она обеспокоена язвami современного общества. Сильное этическое начало – отличительная черта поэтики О. Андреевой. И в своём вселенском сострадании Ольга готова даже дойти до богоборчества. Но сами по себе приведённые выше стихи – очень сильные. Это – лирическая исповедь. Особенно поразила меня мысль Андреевой о двух страхах – смерти и жизни. Чаще всего человек занимает между ними срединное положение. То есть он и страшится смерти, и боится жить, скованный общественными, социальными и личными предрассудками.

Значительную часть книги «На птичьих правах» занимает... полемика с Фёдором Достоевским по поводу того, спасёт ли мир красота. То тут, то там всплывают в стихах Ольги различные интерпретации этой мысли. Этот вопрос очень волнует автора – и потому обращение к нему носит у Андреевой трансцендентный характер (не хочу отставать от Ольги в плане использования модернистской лексики). «Не красота спасает мир, а зрячесть». «Возможно, мы выживем, если нас захочет спасти красота». «Они галдят – чтобы себя не слышать – и всё же их спасает красота». Это какой-то сквозной магический рефрен... Его присутствие автоматически повышает нашу оценку того, что делает в стихах Ольга Андреева. Представляете: вопрос о спасении мира красотой постоянно волнует Ольгу, и она всё время к нему возвращается – даже когда просто говорит о погоде. Вопрос мучает её и долго не отпускает. Это лишний раз подтверждает, подчёркивает спонтанность поэзии Андреевой. Ольга пишет, как правило, длинные стихи с большим диапазоном повествования: такая лирика пробует коснуться всего на свете и объять необъятное. Поэта не смущает неравноценность по качеству разных строф. Это словно бы входит в изначальный замысел. Как льётся – пускай так и льётся! Здорово, что льётся! В подобном мировоззрении есть свой резон. Начнёшь задумываться, править текст – и упустишь свою волну. А я, читая, просто выбираю лучшее:

*...раз в столетье приходит волна,
от которой нельзя откупиться.
Я молчу. Я молчу и молюсь.
Я молчу, и молюсь, и надеюсь.
Но уже обживает моллюск
день Помпеи в последнем музее...*

Рифма «молюсь – моллюск» настолько превосходна, что вносит в стихотворение ещё одну изюминку. Я выписал полторы строфы, но и всё стихотворение о водном армагеддоне – цельно и на куски, невзирая на большой размер, не распадается. Мы видим: у Ольги Андреевой, тут и там, возникают этические размышления над целесообразностью того или иного действия человека или природы. «Этот город накроет волной...» – катастрофа или спасение? Ольгу волнует неготовность человечества к заложенным в стихийных силах природы катастрофам. Мы действительно к такому не готовы. Но как потренироваться и подготовиться? Стихия ведь хуже войны. На войне против тебя выступает человек. Такой же, как ты сам. А как выступишь против природы? Самонадеянно! Вот и возникают в народе верования, что разгул стихии – это, дескать, расплата за какие-то действительные или же вымышленные грехи. И Ольга Андреева великолепно это преподносит в художественном плане, не даёт читателю расслабиться. Почитаешь Андрееву – ты уже морально подготовлен к возможному натиску стихии. Апокалиптический гуманизм автора готовит нас к худшему из возможных сценариев. Но – с надеждой на лучшее.

Как читатель, я не всегда согласен с длиной стихотворений Ольги. Порой мне хочется, чтобы они были покороче. Но я всецело поддерживаю её в авторском «эгоизме». Поэт верен длине своего дыхания. Кто-то «высоко закрепил ей планку», и она не намерена понижать градус повествования. Её стихи действительно ни на кого не похожи. И книга «На птичьих правах» представляет дарование Андреевой широко, размашисто и мощно. В добрый путь!

ИЗ ЖИЗНИ ОСКОЛКОВ

(Ефим Бершин, *Маски духа. Серия «Интеллектуальная проза российских авторов»*. – М., Эксмо, 2018)

Безусловно, Ефим Бершин, в первую очередь, поэт. И, к счастью, никакие «лета» ни к какой «суровой прозе» его не клонят, хотя три книги в прозе он написал. Конечно, документально-художественная повесть «Дикое поле» родилась благодаря многолетней журналистской работе и командировкам в «горячие точки». Но именно она, написанная сразу в нескольких жанрах, неожиданно заставила Бершина на время переключиться со стихов на прозу. Она же стала и пробой прозаического пера, и попыткой отыскать собственный стиль в прозе. Поэтому в романе «Маски духа» мы увидели уже совершенно другого Бершина – писателя, породившего свой собственный жанр, который сам же условно назвал жанром «глобального реализма».

Конечно, и здесь у него встречаются военные реалии, мозаично переплетающиеся с другими, «гражданскими» событиями. Сочный юмор «Масок» вызывает в памяти прозу Бабея. Название книги, которое вначале по звучанию казалось мне спорным, затем, по мере прочтения, стало представляться единственно возможным. Маска – связующий образ, который проходит через всё повествование. Всё начинается с маски, в которой один из сподвижников Григория Котовского вслед за комбригом врывается в Одесский оперный театр. По удивительному стечению обстоятельств, этот «человек в маске» оказался впоследствии дедом главного героя книги.

Автор и главный герой книги – одно лицо, что помогает перемежать и чередовать в книге реалистические фрагменты с фантастическими и откровенно сюрреалистическими. По тому же пути пошла в книге «Двор чудес» известная писательница Кира Сапгир. Но «Маски духа» написаны Ефимом Бершиным гораздо раньше. Данное издание – переиздание более ранней книги («Деком», Нижний Новгород, 2007).

В романе Бершина внезапно «сломалось» время. И никто не смог его починить. *«Вот представь, мой друг, у всех часы остановились, а мои, как ни странно, всё ещё ходят. И что делать? Никто ведь не обязан жить по моим часам. Все живут так, как им удобно»*. Из-за метаморфозы с часами всё и произошло. Все стали жить, *«как живут после взрыва осколки, как живут блуждающие по небу мысли»*. Осколки – фундаментальное понятие в творчестве Бершина. Поэтому герой Бершина, действительно, напоминает осколок, летящий неведомо куда, путешествующий по разным эпохам своей и не только своей жизни. Вспоминаем ведь мы не хронологически, а как придётся – невпопад; не по степени важности, а по неведомой целесообразности памяти. И в этом плане «Маски духа» – это ещё и художественная автобиография поэта, чрезвычайно важная в плане понимания его личности, самоутверждения и самостояния. Оказывается, Ефим однажды чудом избежал тюрьмы! А посадить его хотели... за человечность, доброту и отзывчивость, за участие в судьбе другого человека. Такое случалось, и не раз, в советской стране. А ещё «Маски духа» пронизывает мандельштамовская мысль о том, что поэт – «ворует» воздух. Плагиатор ворует строчки, а поэт – воздух. Ворует для того, чтобы дышать. И писать стихи «без разрешения».

Но вернёмся к маскам. «Теперь маски хорошо идут, – философствовал Шурик. – Картины никому не нужны, а маски идут. И это правильно. Маска – это всё. Маска возвращает справедливость и исправляет ошибки. Надел маску – и готово, красавец. Пусть что хотят, думают. Избавляет, кстати, от комплексов». Вот эта последняя мысль представляется мне очень глубокой. Люди часто болезненно реагируют на то, что о них думают другие. И, «сопротивляясь» тому, что возмнили о них другие люди, начинают искать для себя образ, «маску», за которой можно было бы спрятаться, защититься. То есть наши комплексы – прямая дорога к творчеству, которое может оказаться интересным даже последующим поколениям. А ведь ещё есть и посмертная маска! Мостик между двумя жизнями.

Мастерство Бершина-поэта и Бершина-прозаика, на мой взгляд, равноценно. И, если Бершин-поэт более известен, нежели его визави-прозаик, причиной тому исключительное предпочтение, которое оказывает русский народ поэзии перед прочими литературными жанрами. Поэзия Ефима Бершина во многом носит драматический, а то и трагический характер. И, конечно, мы бы многое потеряли, если бы ничего не узнали о Бершине-прозаике. Потому как в прозе у Ефима появляется тонкий, первоклассный юмор. То, чего нет (или почти нет) в стихах. «Маски духа» – книга местами гомерически смешная. Это юмор поэта, в котором одесские анекдоты соседствуют с забавными фразами, которые, то и дело, производят героиню. Чего стоит, например, *«египетский безродный космополит Моисей!»* Или вот – *«поэты ведь не люди, а так – ярмарка болезненного тщеславия, корабль прокажённых»*. Юмор у Бершина – с саркастическим уклоном. Переходя на язык автора книги, скажу: художественность у Ефима – маска документальности. «Приднестровские» фрагменты боевых действий – практически документальные. Как мы видим, фантазмагории не противоречат документальности, почерпнутой из личного военного опыта автора. Бершин в прозе